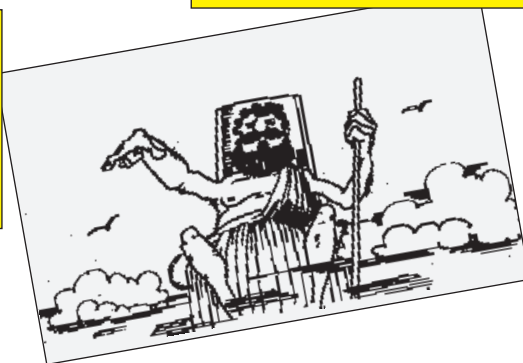

Карл Густав Юнг
о воспитании личности

В.М. Бужатов

За окном век XXI. Что-то принесет он человечеству?

А что приносим в него мы сами? Что взяли мы с собой из прошедшего XX века? Как разобраться в оставленном им наследстве, как отличить зерна от плевел, культуру от суррогата и мишуры?

XX век ушел. Ушел вместе со своими пророками. Но, обернувшись назад, вслушаемся в их речи. Может быть, нам, жителям нового века, их странные слова, их страстные предостережения откроются полнее и будут более понятны, чем современникам, в свое время не внявшим смыслу их пафоса?

Карл Густав Юнг (1875–1961) в прошлом веке был одним из известнейших ученых. Им была создана аналитическая психология. Ему принадлежит авторство таких важных психологических понятий, как **коллективное бессознательное, индивидуация, экстравертность и интровертность**. В советской науке работы швейцарского психолога долгое время рассматривались как иррационально-теологические спекуляции.

В 1932 году в Вене им был прочитан доклад «О становлении личности», который затем публиковался как раздел в его книгах, изданных в 1934, 1939, 1947 и 1969 годах. Предлагаем конспект-выборку из этого доклада.

Самая заветная цель и самое сильное желание каждого человека состоит в том, чтобы дать раскрыться той целостности своего существа, которую обозначают понятием «личность».

«Воспитать личность» – это стало сегодня педагогическим идеалом

(в противоположность стандартизированному коллективному, или «массовому», человеку).

Когда беспрестанно твердят о том, что из ребенка нужно воспитать личность, то возникает закономерный вопрос – а кто же будет эту самую личность воспитывать?

Видит око, да зуб неймет

Родители? Самые обыкновенные, некомпетентные в вопросах воспитания люди, которые очень часто на протяжении доброй половины или даже всей своей жизни во многом сами остаются детьми?

Или педагоги? Образованные специалисты, которых с грехом пополам обучили психологии, т.е. различным точкам зрения (по большей части несовместимым) на те или иные правила, по которым якобы устроен ребенок и по которым с ним якобы нужно обходиться?

Начнем с педагогов. В большинстве своем они когда-то получили то же самое дефектное воспитание, что и дети, которых они теперь должны воспитывать. И они, как правило, представляют собой личности в такой же малой мере, как и их воспитанники. Педагогика обыкновенно страдает односторонним интересом к подопечному ребенку и столь же односторонним невниманием к невоспитанности взрослого.

Поэтому, в конце концов, и от среднего воспитателя нельзя ожидать результатов лучших, чем от средних родителей. Если первые – хорошие

специалисты, то уже этим следует довольствоваться. Так же, как и теми родителями, которые старательно воспитывают детей по своему усмотрению.

А был ли мальчик?

Высокий идеал воспитания личности не стоит применять к детям. Ведь то, что понимается под «личностью» вообще, а именно *определенная, способная к сопротивлению и наделенная силой душевная целостность, есть идеал взрослого.*

Данный идеал стали приписывать детству лишь с тех пор, когда человек, столкнувшись с проблемой своей так называемой зрелости, начал неосознанно или – того хуже – сознательно от нее увиливать. В царящем педагогическом и психологическом воодушевлении по поводу ребенка сквозит бесчестный умысел – говорят о ребенке, а имеется в виду ребенок во взрослом.

Наше время даже чрезмерно восхваляется как «эпоха ребенка». Сплошной безмерно разросшийся и раздувшийся детский сад. А все потому, что в современном взрослом «застрял» *вечный ребенок, нечто все еще становящееся, никогда не завершающееся, нуждающееся в постоянном уходе, внимании и воспитании.* Это та частичка человеческой личности, которая хотела бы развиваться в целостность. Однако человек нашего времени далек от этой целостности, как небо от земли.

И вот в мрачном ощущении своей ущербности взрослый, вдохновляясь идеями детской психологии, захватывает в свои руки воспитание ребенка. Он тешит себя мыслью, что раз его собственное воспитание и развитие пошли вкривь и вкось, то это, конечно же, можно будет устранить в последующем поколении.

Намерение, конечно, благое, но оно терпит фиаско из-за следующего психологического факта: я не смогу исправить в ребенке те ошибки, которые я сам все еще допускаю.

Новое платье короля

Дети, конечно, не столь глупы, как мы полагаем. Они слишком хорошо замечают, что есть настоящее, а что – поддельное. Сказка Андерсена о голом короле заключает в себе бессмертную истину.

Многие родители заявляют о похвальном намерении избавить своих детей от того печального опыта, который они, очевидно, сами имели в детстве. И когда их спрашивают: «А вы уверены, что вы сами-то преодолели эти промахи?» – они совершенно искренно заявляют, что их дефекты уже давным-давно исправлены. В действительности же это не так.

И если родители, будучи детьми, воспитывались слишком строго, то они сплошь и рядом портят своих собственных детей вседозволенностью, граничащей с пошлостью. Если же от них в детстве досадно укрывали некоторые интимные сферы взрослой жизни, то они столь же досадно впадают в другую крайность, потворствуя трагическому постоянству извечных грехов.

Все, что мы желаем изменить в детях, следовало бы прежде всего внимательно проверить: не является ли это тем, что лучше было бы изменить в нас самих. Например, наш педагогический энтузиазм. Вероятно, его лучше направить на себя.

Пожалуй, никто из нас не признается в том, что нуждается в воспитании. Потому что это беззастенчивым образом напомнило бы нам о том, что мы сами все еще дети и в значительной мере сами все еще нуждаемся в воспитании.

Кунсткамера воспитания

О чем же следует помнить взрослым, собравшимся из детей воспитывать «личностей»? Личность – это не зародыш, который развивается в ребенке лишь благодаря естественности жизни. Без особой *определенности, целостности и созревания* личность не появится.

Но если бы эти три особых свойства были присущи ребенку, взрослые тут же лишили бы его детства. И он стал бы противоестественной, скороспелой, искусственной заменой взрослого.

И таких монстров современное воспитание уже вывело. Например, в тех случаях, когда родители одолевал настоящий фанатизм – «жить только ради детей» или обеспечить их всем «самым лучшим». Эти весьма популярные стереотипы больше всего мешают родителям развиваться самим. И они же дают им право навязывать детям свои взрослые заблуждения.

Детей ориентируют на то, чтобы они добивались именно того, чего не добились родители; им навязывают амбиции, которые родители так и не смогли реализовать. Немудрено, что подобные методы и идеалы порождают педагогических монстров.

Никто не в состоянии воспитать личность, если сам наставник личностью не является. И только взрослый может достичь этого высшего уровня развития, на что ему потребуется вся человеческая жизнь со всеми ее биологическими, социальными и психологическими ресурсами.

Кремнистый путь

Личность – высшая реализация врожденного своеобразия, от природы данного каждому живому существу. Личность – результат наивысшей жизненной *стойкости*, абсолютного *приятия* своей индивидуальной сущности и максимально успешного *приспособления* к общезначимому при величайшей *свободе выбора*.

Воспитывать личности – задача не только величайшая (из тех, за решение которых современная культура принялась столь стремительно), но и весьма опасная. Она столь же опасна, как смелый и отважный почин природы, повелевающий женщинам рожать детей (ведь нет такой человеческой гнусности или уродства, которые не существовали бы

уже во чреве любящей матери). И в результате мы, являясь частицами этой диковинной природы, несем в себе, как и она, нечто непредсказуемое.

Личность развивается в течение всей жизни человека. В том числе и из темных или даже вовсе не объяснимых задатков. И только наши дела покажут, кто же мы есть на самом деле. Лишь вечером станет ясно, что началось утром.

Личность – полная реализация целостности нашего существа. Поэтому она – недостижимый идеал. Однако ее недостижимость не является доводом для ниспровержения самого идеала. Ведь идеалы – не что иное как указатели пути, но никак не цели, к которым эти пути могут привести.

На задворках сомнений

Мы только тогда можем воспитывать ребенка, когда он развивается. Так и личность человека: прежде чем можно будет приступить к ее воспитанию, она должна начать разворачиваться. Тут-то нас уже и подстерегает опасность. Мы ведь должны иметь дело с чем-то непостижимым, а значит, не можем ведать, как и во что разовьется становящаяся личность.

Мы слишком много знаем неприятного о том, что дремлет на задворках и в безднах человеческой души. Поэтому замолвить доброе слово в пользу становления личности – уже само по себе рискованно.

Человеческий дух кругом увяз в диковинных противоречиях! Мы превозносим «священное материнство» и не думаем о материнской ответственности за всех человеческих монстров, уголовников, буйно помешанных, эпилептиков, идиотов и калек всяческих видов. А ведь все они тоже были рождены. Поэтому не случайно нас охватывает сильнейшее сомнение, когда требуется гарантировать человеческой личности ее полное свободное развитие.

Не было бы счастья...

Никто не станет развивать личность только потому, что ему-де сказали, будто это дело полезное или благоразумное.

Без нужды ничего не изменяется, и уж тем более – человеческая личность. Она чудовищно консервативна, если не сказать *инертна*. Только острейшая нужда в состоянии ее всколыхнуть.

Развитие личности повинуетя не желанию, не приказу и не намерению, а только *необходимости*. Личность нуждается в принуждении со стороны судьбы. Всякое иное развитие приводит к индивидуализму.

«Многие призваны, но немногие избраны». Развитие личности от исходных задатков до полной их реализации – это и благо, и одновременно проклятие. Первое следствие этого развития – сознательное и неминуемое обособление отдельного существа из стадной неразличимости и бессознательности. Это – *одиночество*, от которого не избавит ни семья, ни общество, ни положение в нем.

Однако развитие личности означает все же нечто большее, чем просто жизнь страшных последствий или одиночества: оно означает также *верность собственному закону*. Ведь личность никогда не может развернуться, если человек не выберет – вполне осознанно – *собственный путь*. Не только внешняя необходимость, но и сознательное внутреннее решение должно отдать всю свою силу процессу личностного развития.

Если отсутствует необходимость, то так называемое развитие будет простой акробатикой воли. Если отсутствует сознательность, то развитие увязнет в тупом бессознательном автоматизме.

Цветочки и ягодки

Человек решается на свой собственный путь только в том случае, если путь этот *представляется наилучшим выходом*.

Душевная и социальная жизнь людей на первобытной ступени – это исключительно групповая жизнь при высокой степени бессознательности индивида. Последующий процесс исторического развития, по существу, оказывается все тем же коллективным творчеством. Таковым, вероятно, он и останется, потому что человечеству без коллективности не обойтись.

Но коллективность – не идеал, а всего лишь полумера. И в нравственном, и в религиозном отношении. Подчинение ей часто означает отречение от целостности или бегство от собственных окончательных выводов.

Личностное развитие – это уклонение от прямого пути, отшельническое оригинальничание. Неудивительно, что издавна лишь немногие решались на столь непопулярную и малоприятную авантюру. Но именно в их число входят легендарные герои человечества, вызывающие восхищение, любовь и поклонение. Они – подлинный цвет и плод человеческого рода.

Парадоксы величия

Ссылки на исторические личности уже объясняют, почему воспитание личности является идеалом, а упрек в индивидуализме – оскорблением.

Хотя и здесь нас поджидает парадокс. Величие исторической личности всегда состояло не в ее безоговорочном подчинении установленному коллективному порядку, но, напротив, в спасительном для всех освобождении.

Выдающаяся личность для заурядного человека предстает как *сверхъестественное явление*, которое можно объяснить только присутствием какого-то демонического фактора.

Что же побуждало великих вступать на собственный путь и таким образом вырываться из бессознательного тождества с массой, как из пелены тумана?

Выбор диктовался тем, что зовется *предназначением*. Этот иррациональный фактор фатально толкал (и толкает) людей к эмансипации от стада, бредущего проторенными путями.

Туда – не знаю куда

Настоящая личность всегда верит в предназначение и относится к нему как к Богу.

У кого есть предназначение, для того неважно, что очень многие люди погибают на этом самом собственном пути. Он *должен* повиноваться собственному закону (душевному *не-Я*). Кто имеет *предназначение*, кто слышит *голос глубин*, тот *обречен*.

Чувство предназначенности – это прерогатива не только великих людей, но и обычных, вплоть до дюжинных. Разница лишь в том, что вместе с убыванием величины предназначение становится все более туманным и бессознательным, словно внутренний голос, все больше отдаляясь, говорит невнятнее и реже. Чем меньше масштаб личности, тем в большей степени она неопределенна и бессознательна, тем в большей степени она растворяется в общей массе.

Вместо внутреннего голоса душевного *не-Я* звучит голос *социальной группы* и ею установленных порядков. А вместо предназначения – воцаряются *коллективные потребности*.

Однако многие люди, будучи в этом бессознательном социальном состоянии, нет-нет да и откликаются на призыв индивидуального голоса. Из-за чего тут же выделяются среди остальных. Если подобное происходит, то оно, конечно, расценивается как болезненное отклонение. «Это чудовищная заносчивость!» – подобный довод очень популярен. Он возникает из редкостной недооценки психического, которое ошибочно рассматривается как «не более чем фантазия», как некий личностный произвол. И это при всеобщем-то увлечении психологией!

Безумие химер

Неудобное отрицается, а нежелательное сублимируется. Пугающее разъясняется, а заблуждения исправляются. В итоге же считается, что все отменно уладилось. При этом упускается главное, а именно, что пси-

хическое совпадает с сознанием и его фокусами лишь немного. Гораздо большая его часть – это бессознательная данность душевного *не-Я*, которая может обрушиться на нас, как только это заблагорассудится неведомым законам.

Гигантские катастрофы, которые угрожают нам, – это не стихийные события физической или биологической природы, а события психические. Ужасающие войны и революции – не что иное, как психические эпидемии. В любое время какая-нибудь химера может овладеть миллионами людей, и тогда разразится либо новая мировая война, либо опустошительная революция.

Человеку, ожидающему опасности от диких зверей, обвалов и наводнений, следовало бы больше всего опасаться стихийных сил своей психики.

Убить дракона!

Известно, что шельмец-интеллект способен высказываться об одном и том же и так, и совсем по-другому. Иное дело, если объективное, твердое (как гранит) и тяжелое (словно свинец) психическое встает на пути человека как его внутренний опыт, как его душевное *не-Я* и внятно говорит ему: «Так будет и так быть должно». Вот тогда человек начинает чувствовать свое предназначение.

Не случайно наше время – время войн, революций и прочих безумий – взывает к спасительной личности. Ведь группа, именно из-за своей бессознательности, свободой выбора не обладает. Психическое действует в ней как ничем не ограниченный природный закон, останавливающийся только с катастрофой. Народ, когда чувствует опасность психического, всегда тоскует по герою-драконоборцу. Отсюда вопль по личности!

Лес рубят – щепки летят

Любая (даже самая выдающаяся) личность – прежде всего часть народного целого, и она отдана на произвол

той же власти, которая движет и всем целым, и всеми прочими.

Едиственное, что отличает личность от прочих, так это предназначение. Уже своим решением – проложить собственный путь поверх всех других – она более чем наполовину выполняет свое освободительное предназначение.

Личность сочла для себя несуществующими все другие пути. *Свой* закон она поставила выше всех норм и порядков, ведь порядки и законы сами по себе – бездушные механизмы, способные лишь на то, чтобы охватывать рутину жизни. Однако творческая жизнь всегда лежит по ту сторону установившегося порядка.

Механизм порядка держит людей *бессознательными*. Когда они идут по старой дорожке, то не ощущают необходимости принимать сознательные решения. Когда вокруг человека, погруженного в рутину бессознательности, ломаются старые порядки и возникают новые, то у него наступает (как и у животного) паника со всеми ее непредвиденными последствиями.

Личность, однако, не может поддаться подобной панике. Потому что она уже пережила ужас. Она уже выросла до понимания нового. И для других становится (ненамеренно и невольно) *лидером*.

Вызываем огонь на себя

Конечно, все люди похожи друг на друга. Иначе они не впадали бы в одно и то же безумие. Или они ни в чем и никогда не смогли бы понимать друг друга. И у выдающейся личности своеобразие душевного склада не является чем-то абсолютно неповторимым и единственным в своем роде.

Неповторимость важна только для *индивидуальности* человека. Стать же личностью – прерогатива не только гения.

Гениальный человек совсем не обязательно будет личностью. Поскольку каждый индивид имеет свой собственный, данный ему от рождения

«закон жизни», постольку у каждого есть возможность, следуя своему закону, стать личностью, достигая целостности.

Только тот, кто *сознательно* может сказать «да» силе предстоящего перед ним внутреннего предназначения, становится личностью. Тот же, кто отступает, становится добычей слепого потока событий и уничтожается. Величие и искупительный подвиг всякой настоящей личности в том, что она добровольно приносит себя в жертву своему предназначению и осознанно переводит в свою индивидуальную действительность то, что могло бы привести только к гибели, продолжай она жить бессознательной жизнью в группе.

Целительный источник

По мере того как человек, изменяя собственному закону, упускает возможность стать личностью, он теряет смысл своей жизни. По счастью, снисходительная и долготерпеливая природа никогда не вкладывала фатальный вопрос о смысле жизни в уста большинства людей. А если никто не спрашивает, и отвечать не нужно.

К тому же образованный, культурный человек, как правило, совершенно не способен к восприятию своего внутреннего голоса, если за него не ручается какое-нибудь учение. Дикари приспособлены к этому в значительно большей мере.

Как великая личность оказывает социально разрешающее, избавляющее, преобразующее и целительное действие, так и рождение собственной личности обладает целительным воздействием на индивида. Так поток, затерявшийся в заросших илом притоках, вдруг находит свое русло. Или ростки семени пускаются в рост, когда прочь убран стеснявший их камень.

Две стороны одной медали

Голос глубин – это голос более полной жизни, более полного и объемного *сознания*.

Боязнь, которую ощущает большинство обычных людей перед голосом глубин, не столь уж детская, как можно подумать. Испытания, как показывает классический пример жизни Христа, отнюдь не безвредны. Они очень опасны для индивида. То, что доносится из глубин, как правило, таит в себе нечто недоброе. И даже злое.

Внутренний голос доносит свое «мнимое» зло весьма соблазнительно.

Если соблазн совсем не подействует и мы останемся равнодушными, то ни обновление, ни исцеление будут невозможны.

Если *Я* полностью уступает внутреннему голосу-соблазну, то его руководство оказывается таким, как если бы оно было дьявольским. И для развития личности начинается катастрофа.

Если же *Я* уступает лишь отчасти и может спастись от полной поглощенности путем утверждения самости, то оно начинает ассимилировать внутренний голос. Тогда-то и оказывается, что зло было лишь мнимой видимостью, а в действительности – оно несло благо и просветление.

Внутренний голос является «люциферическим»* в самом исконном и недвусмысленном значении этого слова. Он ставит человека перед радикальными моральными решениями, без которых нельзя прийти к осознанности и стать личностью. Поэтому в голосе глубин бывают парадоксально смешаны самое низкое и самое высокое, самое лучшее и самое гнусное, самое истинное и самое ложное.

Над пропастью во ржи

Конечно, смешно, когда голос *всеблагой и всеразрушительной природы* обличают в злодействе. Если она кажется нам преимущественно злой, то это идет главным образом от старой истины: лучшее – враг хорошего.

Но в мировой истории бывают периоды, когда доброе должно отступить.

Когда появляется то, что обречено стать лучшим, но поначалу считается злым.

Насколько вообще опасно касаться этой проблемы, свидетельствует следующее. Как легко может одолеть зло, если просто заявить, будто оно как раз и есть потенциально лучшее! Проблематика внутреннего голоса полна скрытых ловушек и капканов. Это очень опасная и скользкая область, столь же опасная и шаткая, как и сама жизнь, если она отказывается от помочей.

Становление личности – это риск. И трагично, что именно демон внутреннего голоса означает одновременно и величайшую опасность, и необходимую помощь. Это трагично, но логично. Это естественно.

Можно ли поэтому ставить в вину человечеству, всем благонамеренным пастухам стада и заботливым отцам детских стай, что они возводят защитные стены и сооружают торные пути, которые на самом деле извиваются вокруг пропастей?

Путь, не открытый в нас, классическая китайская философия называет «дао», уподобляя его водному потоку, который неумолимо движется к своей цели. Личность – это поток. И воин, и купец могут приблизиться к нему, войти в него и даже напитаться. Но никто из них не сможет этот поток ни повернуть, ни остановить. Как нельзя ни повернуть, ни остановить совершенство, целостность, предназначение. Как нельзя остановить осуществление смысла земного бытия, от рождения присущего вещам.

Вена, 1932 г.

[Конспект-выборка: Москва, 2002 г.]

Вячеслав Михайлович Букатов – доктор пед. наук, Институт художественного образования РАО, г. Москва.

* Букв.: несущим свет (от лат. lux – свет и ferre – нести).